

3 ИЮН 1988

ПРАВДА

Путешествие в разные стороны

— Виктор Сергеевич! Сейчас в адрес нашего искусства звучит много критики. Действительно, некоторые театры совершенно оторваны от жизни, существуют словно в безвоздушном пространстве. Но вот недавно в Москве прошла Всероссийская декада народных театров. Удивительно сильные спектакли! Причем сыграла не столица, а периферия: Омск, Абанан, Кузнецк. Даже сельские дома культуры, по нашим старым представлениям, всегда уступавшие городским. Какой тут кризис — самостоятельный театр захлестывает волну живого интереса к человеку и к миру! Как это объяснить?

— Есть старое выражение: искусство движут дилетанты. Может быть, это происходит потому, что любительское искусство совершенно бескорыстно, к нему не применяется никакой посторонний интерес. Это я знаю довольно хорошо. И пьесы надо писать только потому, что это занятие тебе очень нравится. В известном смысле нужно быть дилетантом — лишний профессионализм сушит мозг и душу. В свое время Ромен Роллан писал, что искусство кончилось тогда, когда за него стали платить деньги. Лермонтов, как вы знаете, не брал денег.

— Но Пушкин же брал?
— Брал. И при этом писал: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Писателем трудом прожить нелегко, тем более было трудно Пушкину, первому профессиональному литератору в России. До него тоже платили, только не за строчки, а за службу.

Моя любимая актриса Мария Ивановна Бабанова всегда жила очень скромно. Она была художественным руководителем нашего курса в школе при Театре Революции, и я как староста часто приходил к ней. Творческая требовательность Бабановой была почти остревенелой, а бытовая, жизненная — минимальной. Мария Ивановна никогда и нигде не подхалтуривала, как теперь говорят. Не снималась в кино, мало записывалась на радио, не выступала с концертами. Так же скромно жила и Алиса Георгиевна Конон. Они не превращали искусство в статью дохода. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что современный актер получает очень маленькую зарплату и просто вынужден искать дополнительный заработок на стороне. До чего же это плохо для театра! Сегодня уже трудно представить, как самозабвенно работали великие мастера — для них искусство было самоцелью.

— Так что же делать?
— Платить больше. Не только артистам, а всем творческим работникам. Не переключаясь на бумажки, а тем, кто все время находится в состоянии напряженной внутренней работы — с утра до вечера и иногда с вечера до утра. Надо поднять авторитет интеллигенции вообще, и не только творческой, но и технической, и прочей.

В повседневной жизни у нас упор привычно делался на ударничество — «нажмем, ребята, еще нажмем!» Но дело решают не отдельные рекорды передовиков, вырабатывающих за смену столько-то, а хорошая организация производства. Мы аршинными буквами выводили: «знание — сила», но знание, как говорил Тургенев, не только сила, знание — свобода. Общество движет сильно развитый разум, и внимание должно быть к людям, преобразующим мир своим умом. У нас долгие-долгие годы этого понимания не было. Кажется, сейчас отчасти начинают признавать, но — осмтрително — оплата людей умственного труда совершенно не соответствует той прибыли, что они приносят!

— Что, на ваш взгляд, изменилось с созданием Союза театральных деятелей?

— Мне трудно сказать, так как я мало принимал участия в его работе. СТД организует очень важные мероприятия, такие, как, например, фестиваль московских театров в Мюнхене. Знаю, что представители союза много выезжают на места, где завязались сложные узлы в работе театров. Единственное, чего я опасаясь, это чтобы СТД не превратился в учреждение, которое заведует театрами. Он должен всегда спешить на помощь. Если же он будет заниматься преимущественно административными делами, театры станут своего же собственного союза побавляться. Как-то мне упрекнули, когда я пробовал высказать эту мысль. «Откуда вы это взяли», — зашикали на меня. А я ниоткуда не взял, я просто этого боюсь. В общем, положение в театре сложное. На мои слова мне могли бы сказать: «А что же вы, драматурги, не даёте пьес, на которые народ валит валом?» И это было бы справедливо отчасти. Отчасти — потому, что театры на моей памяти ставили пьесы не ахти какие, но играли и ставили так блистательно, что действительно зритель валит валом.

— А как чувствует себя драматург в период перестройки?
— Преимущественно расте-

рянно. И это хорошо. Хотя, конечно, все хотят, чтобы были новые пьесы. Пауз у писателя быть не должно, но мало ли что не должно — они есть, и это бывают благородные паузы. Надеюсь, что моя пауза скоро кончится. Сейчас у меня на столе две половины недописанные пьесы.

— Мне очень понравилась ваша книга автобиографической прозы «Путешествие в разные стороны», изданная в прошлом году «Советским писателем». Вы позволяете себе

Наш собеседник — драматург Виктор РОЗОВ

● Пятидесятые, шестидесятые, семидесятые... Посчитайте, сколько поколений выросло на пьесах Виктора Розова. Их ставили М. Кнебель, В. Плучек, А. Эфрос, О. Ефремов, А. Кац, сотни режиссеров по всей стране. Для меня Театр Розова — школа, мои университеты. Его герои — «розовские мальчики» — выразили целую эпоху, эпоху пятидесятых. Кажется, о театре Виктор Сергеевич знает все: был и актером, и режиссером, и потому, тяготея к «прозе жизни», наш разговор все же начинается с проблем сцены.

быть таким, какой вы есть, не стараетесь казаться лучше, умнее, смелее. Что порождает такую раскованность? Талант?
— Про талант ничего не скажу: не знаю.

— Может быть, года? Той же абсолютной свободой обладала Фаина Георгиевна Раневская. Когда съемочная группа с «Центрнаучфильма» пришла к ней домой, она отказалась сниматься (шутила: «В моем возрасте другие старухи по ящичкам полеживают, а вы мне поноу не даёте»), а потом, забыв о намере, начала пререкрасно говорить, как с близким другом, с Натальей Крымовой.

— Раневской тогда было за восемьдесят, а мне еще только семьдесят пять стукнет в этом году. Да, у возраста есть свои преимущества: свобода мыслей, повествования. Могу больше сказать, чем раньше.

— Сейчас не страшно говорить, а в годы вашей молодости, наверное, о многом и подумать было нельзя.

— Но все же думали. Не все было зачумлены. И мои костромские сверстники, и московские приятели отрицательно относились к «вождю всех времен и народов». Проявлять это было, действительно, нельзя — приходилось жить двойной жизнью.

Чтобы не обнаружить свое инакомыслие, мы вообще не говорили о политике, считали аполитичными. Конечно, читали вместе со всеми в газетах о процессе Промпартии, о шахтинском деле, но что это такое, понятия не имели. В книжке «Путешествие в разные стороны» я описал, как однажды приходит Алексей Дмитриевич Попов (в доме которого я некоторое время жил) в ужасном состоянии и говорит: «Киров убит!» А я тогда не знал, кто такой Киров. Прочитав мою книгу, Александр Петрович Штейн возмутился: «Как вы могли не знать, кто такой Киров, когда вся страна знала!» Сам Штейн — из Ленинграда, естественно, он знал секретаря Ленинградского обкома... Нас сильно политизируют, в этом есть и свои положительные, и отрицательные стороны. Ну что я полезу в политику, когда я в ней ничего не понимаю? Мое дело писать пьесы.

— Однако ваши пьесы, хоть и связаны с политикой впрямую, учат гражданственности, порядочности. «Затейники», «Вечно живые», «Традиционный сбор»... А «Гнездо глухаря» — пьеса, написанная, кстати, еще до XXVII съезда партии, — это же акт политической и гражданской смелости. И не кажется ли вам, что, отстраняясь от вмешательства в политику, порядочные люди могут развязать руки непорядочным — карьеристам и властолюбцам?

— Откуда я могу знать, порядочный я или нет? Так думать о себе — высокомерие.

— Я знаю молодых людей, которые думают, что же, Виктор Сергеевич, и поэтому не вступают в комсомол.

Эти ребята хотят быть честными по отношению к самим себе. Почему они должны делать то, что им скажут руководители, с которыми они не согласны?

Одна молодая женщина, которую я знал еще маленькой девочкой, рассказала мне, что разочарование в комсомоле постигло ее в момент вступления. Учительница предупредила ребят, что прием будет происходить в очень торжественной обстановке, распределена, кто что скажет. И когда она, якобы забыв, что все написано и вызубрено, задала невинный вопрос: «Кто хочет что-нибудь сказать?», эта девочка перестала верить всему. Ложь, лицемерие учительницы она перенесла на организацию. Видите, как...

— Некоторые молодые люди разочаровывались, уходили в дворники, в сторожа, в лифтеры...

— Один мой студент пошел в дворники. Вообще-то он — хороший драматург, просто драматургией не зарабатываешь на жизнь. Этот уход — относительно новое общественное явление. Хотя вспоминать, как в 30-е годы в Театре Революции, где я тогда работал, был фотограф, проводивший целые дни в темной комнатке под крышей. Когда к нему ни зайдешь, он всегда сидит. Однажды я спросил, почему он никуда не выходит. Его ответ я запомнил навсегда: «Чтобы не видеть жизни».

Есть разные формы ухода от действительности. Мне лично они не подходят: тянет в жизнь. Я вообще замечал, что деятельные меньше тяготеют к неопределенности положения, находят пристанище в деле, в труде. Да и какая жизнь выпала на мою долю! Раньше изобретут люди какую-нибудь лейденскую банку и потом на сто лет разговор о ней, а я только успеваю ахать, а потом сразу же отмахиваться от открытий: «Ах, радио!» А потом: «Ну-ка, выключи эту музыку». Помню, как на первые телерадиоприемники бежали соседи из всех комнат: «Смотрите! Люди живые бегают! Надо же!» А теперь: «Что там сегодня будет? Наверно, чепуха какая-нибудь. Сотри-ка с него пыль».

— Что вам более свойственно в отношениях с людьми — подчинять или подчиняться?

— По характеру я не лидер, но и стадным инстинктом не наделен. Помню, как смеялся, когда услышал, как в санатории один мужчина жаловался по телефону жене: «Здесь очень плохо — нет затейника! Не знаешь, что делать!» Очевидно, я гибриды от вожака и ведомого. Даже собственным детям старался предоставить как можно больше свободы. Я предлагаю идти за мной, кто захочет — пожалуйста, нет — как угодно. Но и сам идти за кем-то не могу. Я могу восхищаться теми или иными качествами человека, особенно его талантом. Но подчиняться не стал бы. Даже Чехову и Достоевскому. Боюсь толпы-стихий. Но это не значит, что люблю только одиночество. Напротив, я люблю быть с людьми, и даже просто присутствие людей мне приятно.

— Виктор Сергеевич, вы, как я понимаю, человек постоянных взглядов, всегда умели сохранить свое достоинство. Снажились, вам приходилось идти на компромиссы, чем-то поступаться?

— Жизнь состоит из компромиссов. Если у вас есть муж, вы не можете не идти в семейной жизни на компромиссы. Иначе семья распадется, потому что один будет подавлять другого. Как в доме есть работа, которую надо делать, хочется или нет (например, мыть посуду, убирать, стирать), так и в остальной жизни нельзя не делать то, что не хочется, а надо. Считаю, что нужно вести себя тактично. Иногда это означает, что надо высказаться, а иногда — лучше из деликатности промолчать. Сейчас порой в печати появляются злобные, мстительные статьи о прошлом. Человек, который сидел и молчал в тряпочку, когда надо было хотя бы пискнуть, теперь, задним числом, распускается на всю катушку. Компромисс и бесчестный поступок — разные вещи. Компромиссы — да, я их допускаю, но поступки, противоречащие убеждениям, — нет. Помните, как в «Братьях Карамазовых» девочка Лиза спрашивает Аleshу: «Будете мне подчиняться?» — «Да!» — «Во всем?» — «Почти во всем, но в самом главном — нет. Главным я не поступаюсь». Бывало в жизни туго. За мою последнюю пьесу «Кабанчик» меня, знаете, как ругали? А с меня — как с гуся вода. Знал, что прав. И теперь она идет во многих театрах.

«В наше время каждый честный человек — полк... Разве ты не чувствуешь, какая борьба идет сейчас? Уж если по крупному счету — государству в первую очередь нужны честные люди повсюду. Всякие преступники, как пиявки, по огромному телу нашего государства ползают, едят, сосут, грызут. А сколько от них простым людям мучения!» — говорил Сергей Усов из «Традиционного сбора». Было это двадцать с лишним лет назад, а звучит — словно сегодня сказано. Потому что и в наши дни, и в любое время есть честные люди, которые и меняют, двигают вперед жизнь.

Беседу вела С. НОВИКОВА.